

«УКРАИНСКО-РОССИЙСКАЯ ВОЙНА 1658–1659 годов» И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Эпоха Гетманщины, автономного государственного образования на украинских землях во второй половине XVII–XVIII вв., относится к числу наиболее «проблемных тем» истории российско-украинских отношений, которым ранее не уделялось должного внимания. Многие современные украинские историки (Ю.А. Мыщик, В.Н. Горобец, А.Г. Бульвинский, Т.В. Чухлиб и др.) отстаивают тезис о «независимой Украинской державе» середины XVII в., который, в частности, позволяет им говорить не об измене гетмана Войска Запорожского Ивана Выговского в 1658 г., а лишь о расторжении Украиной «военного союза» с Россией. Признание этими исследователями «суверенности» Гетманской Украины, которая предстает в их работах как самостоятельный и независимый политико-правовой субъект, породило концепцию «украинско-российской войны 1658–1659 гг.», которая определяется рядом украинских ученых как «национально-освободительная борьба украинцев» против «иноземных оккупантов», т.е. русских войск.

Одним из заметных исследований последних лет, написанных в русле вышеназванной идеи, является работа А.Г. Бульвинского, изданная Парламентским издательством Украины в 2008 г.¹ Примерно треть книги посвящена геополитическому вопросу «цивилизационного размежевания», иначе говоря, многовековому конфликту двух разных (по мнению автора) цивилизаций – Украины (Европы) и России (Азии). Данная постановка проблемы представляется искусственной, поэтому предлагаю остановиться на затронутых автором важных военных аспектах «украинско-российской войны 1658–1659 гг.». Это, прежде всего, проблема численности русского войска кн. А.Н. Трубецкого, осаждавшего Конотоп летом 1659 г. и предназначенного якобы для «завоевания» Украины. Кроме того, коснусь вопроса о потерях русских войск в известной битве под Конотопом 28 июня 1659 г. Эти аспекты рассмотрены Бульвинским в третьем разделе книги, посвященном описанию военных действий и политических контактов между сторонами в ходе «украинско-российской войны 1658–1659 гг.».

Данные о численности вооруженных сил противостоящих сторон являются ключевым вопросом любого военно-исторического исследования, отправной точкой для любых дальнейших описаний и рассуждений. Большинство украинских историков, пишущих о Конотопской кампании, утверждают, что весной 1659 г. против Выговского была направлена едва ли не 100-тысячная «оккупационная» русская армия, предназначенная для «завоевания Украины». Заметим, что согласно сведениям делопроизводственных документов Разрядного приказа военного ведомства Московского государства, все русское войско, отправленное в этот поход, насчитывало 27–28 тыс. человек².

Основным аргументом украинских исследователей является «авторитет» сочинителей казацких летописей и польских хроник, авторы которых, за редким исключением, не участвовали в указанных событиях и жили намного позднее описываемого времени. Несомненно, что в памяти и сознании частных лиц – летописцев архаического казацкого общества и польских мемуаристов – реальные факты победы над противником зачастую приобретали совершенно фантастические черты. Казацким летописям и польским хроникам XVII–XVIII вв. объективно присуща эпическая составляющая, склонность к преувеличению численности противника и его значительном количественном превосходстве над победителями.

Пытаясь определить состав русского войска, направленного царем на Украину, Бульвинский пишет следующее: «Точную информацию, кроме сведений о дворянских конных сотнях, удалось найти лишь в отношении 10 стрелецких приказов, 8 драгунских, 5 рейтарских, 6 солдатских полков» (с. 346). На самом же деле, согласно документам Разрядного приказа, в русской армии под Конотопом в июне 1659 г. было 9 стрелецких, 6 драгунских, 4 рейтарских, 5 солдатских полков³. Следовательно, автор не только искажает количество разных подразделений, но и намекает, что это якобы далеко не все части, которые были у кн. Трубецкого. В то же время подтверждений своим данным о подразделениях русской армии Бульвинский не приводит.

Не владея точной информацией о численности русского войска, все неясные свидетельства источников автор трактует в пользу преувеличения сил армии кн. Трубецкого. Так, например, в приложении к тексту книги содержатся сведения о составе воеводских полков князей С.Р. Пожарского и С.П. Львова. Зная о наличии драгун в каждом из означенных полков, автор заявляет о том, что у каждого из воевод было «не менее двух драгунских полков» (Приложение 12, с. 532). На самом деле у князей Пожарского и Львова был всего один драгунский полк Х. Юнкмана, разделенный на 2 шкvadроны, по одной у каждого воеводы⁴.

Увлекаясь, по выражению польского историка Л. Оссолинского, «магией больших чисел»⁵, Бульвинский настаивает на том, что русская армия под началом кн. Трубецкого, направленная на Украину весной 1659 г., насчитывала не менее 70 тыс. человек: «На основании не прямых данных можно оценочно установить приблизительную численность российского войска под Конотопом... Собственно российского войска под Конотопом было, очевидно, около 70 тыс. человек. Для сравнения обозначим, что начиная в 1632 г. Смоленскую войну с Речью Посполитой, Москва имела армию в 105 тыс. человек (собственно действующая армия 80 тыс. человек), на начало 1663 г. в действующей российской армии было 92 тыс. человек, а в оборонной (гарнизоны городов) – 100 тыс. человек» (с. 349).

Между тем наивно было бы думать, что летом 1632 г. все действующие русские вооруженные силы (80 тыс. человек) были сосредоточены под Смоленском, также как нельзя утверждать, что в 1659 г. 70 тыс. воинов из 92-тысячной действующей царской армии были направлены под Конотоп. Одним из аргументов автора, который он приводит в защиту своей позиции, является численность Белгородского полка, вошедшего в объединенное русское войско под общим командованием кн. Трубецкого: «Белгородский полк под командованием князя Г.Г. Ромодановского летом 1659 г. насчитывал 19 тыс. человек, однако эти войска в осенне-зимней кампании 1658–1659 гг. понесли потери и поэтому под Конотопом Ромодановский, очевидно, имел в своем распоряжении не больше 15 тыс. человек» (с. 349). Весь Белгородский полк (военно-административный округ) под началом кн. Ромодановского действительно к началу 1659 г. имел около 19 тыс. человек⁶. Но непосредственно на Украину осенью 1658 г. выступило всего около 8 тыс. человек⁷, ибо оставить оголенной Белгородскую засечную черту в условиях постоянной угрозы набегов татар и ногайцев на пограничные земли было невозможно. Кроме того, часть белгородских полков в то время находилась в Брянске и в Литве. Другими словами, в боях на Украине 1658–1659 гг. участвовало менее половины штатного состава войск кн. Ромодановского.

Бульвинским также была предпринята попытка подсчитать численность войска кн. Трубецкого по размеру выданного денежного жалованья: «Численность полка А. Трубецкого около 45 тыс. человек (подсчет – в июле князь получил 200 тыс. рублей на жалованье)» (с. 349). Между тем определять численность русской армии по количеству отправленного кн. Трубецкому жалованья, как справедливо отметил польский историк П. Кроль⁸, неверно. Денежное жалованье предназначалось не только для русских ратных людей, но и для верных царю украинских казаков гетмана Ивана Беспалого (10–15 тыс. человек). Кроме того, автор не учитывает разный размер денежного жалованья для стрельцов, дворян, рейтар и офицеров. Между тем необходимость в изобретении каких-либо новых способов подсчета войск вызывает сомнения, поскольку документы Разрядного приказа сохранили подлинные поименные списки личного состава и сметы всех воеводских полков, отправленных на Украину.

Спорным остается и вопрос о потерях русской армии под Конотопом. Несмотря на результаты серьезных научных работ российских исследователей А.А. Новосельского и Н.В. Смирнова, писавших о Конотопском сражении и установивших документально точные потери русского войска в этом сражении (максимальное число – 4769 человек убитыми и пленными)⁹, украинские ученые продолжают писать о 15–50 тыс. погибших «москалей», провозглашая Конотопскую битву едва ли не «величайшим сражением мировой истории». В том же русле находится и работа Бульвинского, который подвергает

сомнению полноту данных, приведенных вышеназванными учеными: «У нас нет оснований сомневаться в достоверности этих документов, но есть основания сомневаться в полноте данных самих документов. Приведенные в них цифры не согласуются с данными иных российских авторитетных источников... Вряд ли имел основания вводить в обман дьяков Посольского приказа Т. Фролов, который сообщал о 5 тыс. пленных россиян, захваченных татарами. Также расходятся данные в отношении потерь среди одолевских казаков и дворян полка А. Бутурлина в документах А.А. Новосельского (12 казаков) и Н.В. Смирнова (дворян и детей боярских – 21) с данными опубликованного поминальника церкви Гребневской Божьей Матери, в котором сообщается про 50 человек одолевских казаков и помещиков, которые погибли в битве под Конотопом» (с. 383).

Авторитетным источником автор считает показания толмача Посольского приказа Т. Фролова о 5 тыс. пленных. Толмач, конечно же, не обманывал, он просто не мог знать правды. Во время битвы Фролов находился под арестом в ставке хана и был отпущен в Москву с целью донести до царя весть о «великой победе татар». Вне всякого сомнения, Фролов говорил о числе пленных со слов крымского хана, желавшего произвести впечатление на врага. Толмач лишь повторил то, что сказал ему хан Мухаммед-Гирей, заинтересованный в преувеличении своего успеха.

При обращении к упомянутому автором поминальнику церкви Гребневской иконы Божией Матери выясняется, что при публикации данного документа была сделана существенная ошибка. После списка одолевских казаков следует запись «Солова» и далее идет список дворян и детей боярских Соловы. Однако публикатор, а за ним Бульвинский, не обратили на это внимания и посчитали, что все 50 человек в списке имеют отношение к Одоеву. На самом деле в поминальнике значатся 24 одолевских дворянина, 16 одолевских казаков и 10 дворян Соловы. Даже если допустить, что сведения из поминальника о гибели 40 одолевских помещиков и казаков под Конотопом соответствуют действительности, их нельзя считать противоречащими цифре Новосельского и Смирнова (33 человека). Одолевские помещики служили не только в «сотенной службе», но и в рейтарах, неучтенных Бульвинским. Так, например, летом 1659 г. в полку В. Джонстона упоминается беглый рейтар одоовец Захарей Иванов сын Русинов¹⁰. Рейтары-одоевцы вполне могли попасть в общий список погибших служилых людей Одоева, составленный неизвестным лицом для поминальной службы.

В любом случае, такая незначительная погрешность (или последующие уточнения числа погибших) не дают историку оснований для того, чтобы настаивать на том, что в битве погибло около 15 тыс., а не 5 тыс. человек. Тем не менее автор заявляет: «На наш взгляд, потери россиян в этой битве составили 10–15 тыс. человек убитыми в бою и казненными после него» (с. 893). Какие «взгляды» Бульвинского привели его к таким выводам, сказать сложно. Между тем по документам известно точное число убитых русских воинов, захороненных на конотопском поле после битвы – 2 986 человек¹¹. Делопроизводственная документация московских приказов (особенно Разрядного) составлялась в первую очередь в интересах контроля за финансами и снабжением вооруженных сил. Воеводы в своих отписках царю могли сколько угодно завышать численность и потери противника, но приказные дьяки и подьячие, находившиеся при армии, не могли себе позволить исказить сведения о составе русской армии и понесенных ею потерях.

Каждому вернувшемуся из похода воину полагалось денежное жалованье. Если бы воевода попытался уменьшить в отписке число погибших, возросло бы число лиц, которым следовало выплачивать причитающиеся деньги. Выплата жалованья «мертвым душам», при существующем в Разряде строгом контроле, порядке расчета и многочисленных поименных смотренных списках по всем соединениям и полкам, в то время была невозможна. Воевода буквально отчитывался головой перед царем за каждого убитого, плененного или раненого солдата. Сохранившиеся многочисленные поименные списки, вплоть до рядовых бойцов, подтверждают этот вывод. Попытка представить «мертвого живым» сразу становилась известной в высшем финансовом ведомстве. Пример кн. И.И. Лобанова-Ростовского, пытавшегося исказить сведения об убитых, наглядно свидетельствует о том, что скрыть правдивую информацию о боевых поте-

рях от царя Алексея Михайловича было практически невозможно¹². При серьезном исследовательском подходе к изучению всего комплекса сохранившихся источников все сомнения в полноте сведений, содержащихся в делопроизводственной документации, развеиваются. Никаких фактов, противоречащих данным Новосельского и Смирнова о числе убитых русских воинов, за исключением «авторитетных» казацких летописцев, писавших о 30–50 тыс. убитых, Бульвинский привести не может.

В результате научно-популяризаторской и пропагандистской политической кампании, начавшейся на Украине с середины 90-х гг. прошлого века, подлинные обстоятельства военных событий, связанных с мятежом гетмана И. Выговского, получили в украинской историографии весьма искаженное отражение. Исследования ряда украинских историков наглядно демонстрируют упрощенный подход к изображению исторических событий, поверхностный анализ деятельности видных политических деятелей исследуемой эпохи и руководящих ими мотивов. Вместо стремления к объективной картине и введения в научный оборот ранее неопубликованных источников многие авторы преподносят читателям химеры военно-патриотической мифологии, заслоняющие собой реальные исторические факты. Книга Бульвинского является ярким примером результатов культивирования идеологии «национальной революции» в украинской исторической науке. Позиция исследователя легко объяснима. Как пишет российский историк А.В. Марчуков, перед украинской исторической наукой государством поставлена политическая задача построения мифа украинской государственности. «Современное государственное бытие Украины определяет и тенденцию к соответствующему изображению прошлого, призванному подвести исторический фундамент под независимость, продемонстрировать глубокие национальные и государственные традиции Украины и украинской нации и доказать законность и правомерность ее существования как субъекта международных отношений»¹³.

Исследователям необходимо глубокое, разностороннее, свободное от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучение сложных, подчас конфликтных, отношений между Русским государством и украинскими казаками. Обращаясь к практическому изучению, а иногда и переосмыслению богатейшего исторического прошлого, мы должны трезво оценивать наше историческое наследие, извлекать из него уроки и положительный опыт, искать пути к примирению и пониманию позиций.

И.Б. Бабулин
(соискатель Института российской истории РАН)

Примечания

¹ Бульвінський А.Г. Україсько-російські взаємини 1657–1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008.

² Подробнее см.: Бабулин И.Б. Битва под Конотопом 28 июня 1659 г. М., 2009. С. 10–13.

³ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 9, д. 1074, л. 80–85; д. 1101, л. 87–153; оп. 12, д. 482, л. 636–639.

⁴ Там же, оп. 9, д. 1101, л. 87–153.

⁵ Ossolinski L. Rzecz o hetmanie Wyhowskin. Warszawa, 2009. S. 192.

⁶ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 153–156.

⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 482, л. 488.

⁸ Kroll P. Bitwa pod Konotopem (8 lipca 1659 roku). Przyczynek do dziejow wojskowosci kozackiej // Materiały do Historii Wojskowosci. 2004. №. 2. S. 117.

⁹ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. 1994. С. 66–68.

¹⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 296, л. 184.

¹¹ Там же, оп. 14, д. 167, л. 107–108.

¹² Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 740–748.

¹³ Марчуков А.В. Украинское национальное движение и проблема Переяславской рады: взгляды и оценки (XIX–XX вв.) // История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках (к 350-летию Переяславской Рады). М., 2006. С. 75.